

Ангелина Минчева (София, България)

О СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ В ДРЕВНЕБОЛГАРСКОМ И ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКАХ

Румяна Павлова. *Пространственные конструкции в древнерусском языке в сопоставлении с болгарским*. Издательство Болгарской Академии Наук, София, 1977. 239 с.

В исследовании Р. Павловой затрагивается вопрос, который выходит за пределы сформулированной в заглавии темы и не является новым по своей важности. Это — аспект о различиях и сходствах в древнеболгарском и древнерусском языке: 1) на уровне живой речи этого времени и 2) на уровне литературного языка (для древнеболгарского — X—XI вв., для древнерусского — период до XV века). В центре внимания находится древнерусский язык, который представлен в источниках исследования тремя типами текстов, различными между собой в жанровом отношении: а) грамотами, отражающими в наибольшей степени живой язык, б) летописями — смешанные по отношению к своей языковой структуре тексты, в) ранними агиографическими текстами, созданными на Руси и сохранившимися в списках XII—XIII века в Успенском сборнике (житие Ф. Печерского, Сказание о Борисе и Глебе, Сказание о чудесах Романа и Давида) — показательными по отношению к древнерусскому языку, с особо сильной „броней“ древнеболгарского языка по отношению к устно-разговорной русской речи. Из древнеболгарских памятников используется материал только из евангельского текста (четыре списка Евангелия — Маринское, Зографское, Асеманиево, Саввина книга) и из Супрасльского сборника, но при сопоставлении предложных систем древнерусского и древнеболгарского языков учитываются существующие исследования в этой области (главным образом, труды К. И. Ходовой). Целесообразный и хорошо мотивированный подбор древнерусских памятников дает возможность автору не только представить полно употребление древнерусских пространственных конструкций, но и оценить их ха-

актер, как средство народной речи или же письменно-литературного языка. Везде, где это было возможно, наряду с жанровыми различиями памятников в качестве критерия для атрибуции данной предложной конструкции к одной из двух систем — народной и письменно-литературной — привлекаются и данные современных русских диалектов. В связи с этим сформулированы и задачи исследования: „а) выделить общие и специфические для обоих языков формы и значения в сфере выражения пространственных отношений; б) проследить некоторые процессы развития и изменения локальных грамматических средств в древнерусском языке до XIV в.; в) в какой-то степени решить вопрос о том, какие специфические для древнеболгарского языка формы, значения, сочетания (глагол и предлог, предлог и имя) или целые словосочетания использовались в древнерусских памятниках, как например, в летописях или даже в грамотах, под влиянием древнеболгарского языка и книжной древнеболгарской традиции“ (стр. 9).

В то время как при древнерусских памятниках автор постарался дать точное разграничение между народно-разговорными и книжными пластами (оно опирается на установленные уже особенности их языка, самой важной среди которых является соотношение литературных и народных элементов, которое типично для каждого из упомянутых жанров), древнеболгарский материал рассматривается недифференцированно. Для Р. Павловой исходным является положение о том, что „в основе этого языка лежат живые болгарские говоры“ (стр. 9), что дает ей право для периода X—XI век видеть максимальное покрытие данных древнеболгар-

ских письменных памятников с живой речью и сопоставить их на том же самом уровне с древнерусским материалом. Второй момент — элементы, появившиеся в языке древнеболгарских памятников „в результате литературной обработки и влияния греческого языка“ — почти не нашел отражения в исследовании древнеболгарских пространственных конструкций. Срв., например, на стр. 21: „установление сходств и различий в области пространственных отношений в древнеболгарском и в живом древнерусском языке“, тоже и в заключении (стр. 108—218), где как термины и функциональные системы противопоставляются друг другу „древнеболгарский“ и „древнерусский“. В двух случаях, однако, автор специально говорит о „древнеболгарском литературном языке“, к предложной системе которого она относит наречные предлоги **ЕВЪНЪ** — род., **КРОМЪ** — род., **ЕЗЪ СЛЪДЪ** — род. Почему эти конструкции нужно считать характерными только для средств древнеболгарского литературного языка, это не выяснено. Нет сомнения, что разграничение в древнеболгарских памятниках литературного пласта от живой народной основы их языка, ставит перед исследователями трудности методологического и фактологического естества. Р. Павлова в большой степени была освобождена от этих трудностей ввиду характера ее темы. Известно, что сфера пространственных отношений является первичной функциональной сферой предложных употреблений, а древнеболгарский литературный язык начинается без предшествующей, более старой письменной традиции, которая могла бы оказать на него влияние, так что именно при пространственных предлогах язык древнеболгарских памятников отражает наиболее непосредственным образом живой древнеболгарский узус. При других типах значений, сообразно с усилением степени абстракции семантического сочетания, положение намного осложняется. Можно предположить, что по тем же причинам (в самом исследовании, однако, нигде не выражено мнение по этому вопросу), автор не приводит греческих соответствий к древнеболгарским предложным конструкциям, хотя использованные памятники являются переводными. В некоторых случаях именно сопоставление с греческим оригиналом внесло бы ясность в установленные Р. Павловой соотношения в древнеболгарском и древнерусском языках. Так, например, после глаголов с приставками от-, до-, из- (редко) употребление родительного беспредложного в древнеболгарских памятниках показывает большую частоту („несравненно более высокую частоту употребления“ (стр. 30) по сравнению с древнерусскими текстами. Этот факт находится

в противоречии с наблюдаемой в древнеболгарских памятниках тенденцией к „предложиванию“ беспредложных падежей, проявляющейся активно при дат. и мест. падежах, (срв. стр. 92, 175), которая в известном смысле симптоматична и для более поздних аналогических процессов в развитии болгарского языка. Р. Павлова устанавливает, что в сочетаниях с глаголами с приставкой до- и особенно при глаголах **ДОИТИ/ДОХОДИТИ** родительный беспредложный встречается чаще, чем его синоним — предлог до (стр. 26). Данное автором объяснение гласит, что „фразы с этими глаголами и родительный беспредложный по всей вероятности в период проявления письменных памятников уже функционировали как лексикализованные сочетания“. Справки с греческим текстом Супрасльского сборника (к сожалению, не все примеры могли быть проверены), показывают беспредложный винительный или родительный падеж в греческом оригинале. Это наводит на мысль, что древнеболгарские переводчики сознательно соблюдали беспредложную модель в греческом языке и в таком случае родительный беспредложный при дои-ти следует рассматривать как книжно-литературную конструкцию в древнеболгарских памятниках, как предпочтительное употребление более архаического по сравнению с живой речью средства, укрепленного греческой беспредложной режцией определенных глаголов, которые в древнеболгарском языке передавались употреблением приставок от- и до-. Тогда и место, которое эти конструкции занимают в древнеболгарских текстах (они не случайно встречаются чаще всего в агиографическом жанре, реже в летописях) надо будет объяснить, как перенесение древнеболгарской книжной модели в средства древнерусского литературного языка. Что касается отличий от древнеболгарского литературного языка по отношению к предлогам **ЕВЪНЪ**, **ЕВЪНЪ** и **КРОМЪ**, то нужно принять, что они были характерны и для живого языка. В пользу этого говорит и установленный Р. Павловой факт, что древнеболгарский материал не дает сведений о функционировании предлога за с творительным и винительным падежами „в значении направления действия наружу, за пределы обозначаемого пространства“ (стр. 68), которое однако характерно для древнерусского языка, где в подобной функции встречается и предлог **НАЗЪ**. Синонимические отношения между **ОТЪ** и **НАЗЪ** при обозначении „направления действия из пределов, изнутри пространственной единицы“ (стр. 40 и весь раздел об **ОТЪ** и **НАЗЪ**) очевидно существовали в нормах разговорной речи, ввиду чего древнеболгарские предлоги

ВЪНЪ и **ВЪНЪ** были единственно возможными в сфере своего употребления и в живом, и в литературно обработанном древнеболгарском языке.

Подобен и статус наречного предлога **ВЪ СЛЪДЪ** (в греческом языке его соответствие является, главным образом, наречие-предлог *ὄπισθω, ὀπίσθεν*). Он находится в синонимических отношениях с предлогом по + лок., который в наше время все еще употребляется в этом значении в современных западноболгарских говорах (стр. 71). Р. Павлова считает, что можно говорить о диалектных различиях древнеболгарского языка по отношению к употреблению по + лок. и **ВЪ СЛЪДЪ** + род.: „**ВЪ СЛЪДЪ** преобладал в восточноболгарских говорах“. Она ссылается на редкое употребление по + лок., в таком значении в Супрасльском сборнике и на ряд разночтений в Саввиной книге, где на месте по + лок. в других евангелиях встречаем **ВЪ СЛЪДЪ** + род. (стр. 70). Я думаю, что нет достаточно материала для этого заключения, особенно если иметь ввиду смешанный характер состава Супрасльского сборника и положение, которое занимает Саввина книга среди остальных евангельских текстов по отношению к переводу. В глаголическом Синайском эвхологиуме преобладает **ВЪ СЛЪДЪ** (6 случаев с **ВЪ СЛЪДЪ** и 2 — с по, согласно индексу Ст. Слонского¹), в Клоцовом сборнике существует только один контекст с **ВЪ СЛЪДЪ**, а по в этом значении не заведительствовано². Существует еще одно соображение, которое заставляет быть резервированным по отношению к выводу Р. Павловой. В цитированных ею разночтениях только два раза в греческом тексте встречается *ὄπισθω* (Мт. 4.19, Мк 8.34), а в остальных двенадцати случаях в греческом употребляется глагол *ἀκολουθεῖω* с дательным падежом („следую“), при котором переводчики имели возможность выбирать и искать разные способы перевода в рамках известных им синонимических средств (отсюда и переводы **ВЪ СЛЪДОВАТИ**, **ПОСЛЪДОВАТИ** в Саввиной книге). Интерес представляет случай Мк 2.14 в Саввиной книге, где для глагола употребляются последовательно и два синонима: **ПО МНЪ НДН** — **ВЪ СЛЪДЪ ЮГО НДѐ**. Показательно и соотношение в примерах Зографского евангелия, приведенных автором (стр. 69—70): для перевода глагола *ἀκολουθεῖω* использован 6 раз по + лок.

¹ St. Słonski. Index verborum do Euchologii Sinaiticum. Warszawa, 1934.

² A. Doštal. Clozianus. Codex palaeoslovenicus glagoliticus. Praha 159 (см. индекса).

и 2 раза **ВЪ СЛЪДЪ** + род., при *ὄπισθω, ὀπίσθεν* преобладает **ВЪ СЛЪДЪ** + 5 раз, и только 2 случая с по + лок. Надо добавить, что древнеболгарские памятники показывают широкое употребление по + лок. для обозначения последовательности во времени, а пространственное значение той же самой конструкции ограничено в указанных контекстах при глаголах **НТИ**, **ХУДИТИ**. Это заставляет нас считать, что соотношение обеих синонимических конструкций в древнеболгарских памятниках является проявлением характерной для норм литературного языка синонимии средств выражения, а не отражением диалектных различий.

Метод исследования предложных конструкций, которые использует Р. Павлова, излагается на страницах 10—21. Автор точно придерживается выбранной методики и применяет ее последовательно. В центре внимания стоит дистрибуционный анализ предложных пространственных конструкций, который недостаточно разработан в ранее существующих исследованиях древнеболгарских падежей и предлогов. После описания дистрибуции предложных конструкций, т. е. после установления их синтагматических связей, приступает к установлению связей между отдельными средствами (Р. Павлова использует термины синонимы и исторические дублеты), и определяется семантика предложного сочетания. Ценный вклад представляет специальное исследование соотношения предложных сочетаний с префиксальными глаголами — с той же самой приставкой или же с другими синонимическими приставками, что дает богатый материал для установления некоторых древнеболгаризмов в древнерусских памятниках (см. главы о предлогах **отъ**, **нзъ** и **съ**). Разделы, посвященные этим предлогам, разработаны особенно удачно, а с другой стороны — они очень показательны для сопоставления древнеболгарского и древнерусского языков.

При сопоставлении контекстов употребления предложных форм оперируется двумя типами отношений: а) включения сочетаемости одного предлога в один только участок сочетаемости другой формы (отсюда обычно развиваются исторические дублеты), б) пересечение сочетаемости (оно представлено широко в пространственных конструкциях). Критерием синонимичности двух пространственных конструкций является их взаимозаменяемость в определенных контекстах. На уровне контекста определяются семантические признаки предложных сочетаний, и семантические характеристики пространственных предлогов, которые даны в исследовании, отражают только их дистрибутивный ана-

лиз. Так например, три семантических признака предлога *отъ* + род. в древнеболгарском языке установлены на основе его синонимии с *изъ* и *съ*, т. е. на основе его проявления в их контекстах, в то время как в древнеболгарском языке предлог *отъ* имеет один семантический признак и такого расширения его функций не наблюдается. Синонимы являются вариантами по отношению к семантическому инварианту, для определения которого автор использует семантическую концепцию Ю. Д. Апресяна (см. об этом стр. 18—21). Эта концепция используется при разработке основных принципов работы и термин „инвариант фразы“, который для Р. Павловой означает „обозначаемая ею (фразой — А. М.) конкретная ситуация“ (стр. 18), был нужным Р. Павловой для выяснения теоретических основ исследования, но в конкретном анализе пространственных конструкций автор не оперирует им. Можно сказать, что с помощью выбранной методики описания Р. Павлова достигла ясности и наглядности, а предложенная ею дистрибутивная характеристика пространственных предлогов дает прочную базу для всех дальнейших степеней анализа. В описании Р. Павловой я считаю неуместным термин „формальное“ (к. м. — А. М.) сближение предложно-падежных форм“, под которым она понимает „появление у них совпадающих участков сочетаемости“ (стр. 16) — лучше говорить о дистрибутивном или синтагматическом сближении.

Наконец, коротко упомянем самые важные заключения автора по вопросу об общих элементах в древнеболгарских и древнерусских пространственных конструкциях и различия между обоими языками в этой сфере (см. обобщение в заключении, стр. 216—218). Бесспорной является и большая близость в составе древнеболгарских и древнерусских пространственных конструкций, которая проявляется и в некоторых сходных для обоих языков процессах (имеется в виду уровень живой речи): стеснение сферы употребления беспредложных падежных форм, большая близость между первичными предлогами в формальном и функциональном плане (при *отъ*, *изъ*, *съ*, *до*, *оу*, *къ*, *по*, *подъ*, *надъ*, *на*, *прѣдъ* / *перѣдъ*, *въ* — см. соответствующие разделы). Различия наблюдаются в употреблении беспредложного дательного, а также беспредложного локатива в древнерусском языке, в то время как процесс утверждения предложных конструкций в древнеболгарском проявляется намного сильнее. Различия при творительном беспредложном сводятся к большему разнообразию существительных в древнерусских текстах по сравнению с древнеболгарскими, но в обоих языках наблюдается

тенденция к непродуктивности этой формы. При предложных сочетаниях важны различия в функционировании предлога *отъ* (с одним семантическим признаком в древнерусском языке и с тремя семантическими признаками в древнеболгарском языке), употребление предлога *за* + тв./вин. в древнерусском языке в значении „изнутри-наружу“, „за пределами“ (в древнеболгарском языке *вънъ* + род., *вънѣ* + род., *кромѣ* + род.); наличие в древнерусском языке предлога *по* в значении „предела распространения действия в пространстве“ наряду с *до* + род., а в древнеболгарском только *до*, отчасти родительный беспредложный; соотношение *по* + лок., *за* + вин./твор. (в древнерусском) — специальный предлог *къ събѣдъ* (в древнеболгарском). Для живого древнерусского языка не был характерным предлог *прѣмо*, а для древнеболгарского — предлог *через* + вин. с значением „движения, пересекающего пространство“. Интересный материал дало сопоставление предлогов *между* / *межн* — *междоу*, *срѣдъ*, *посрѣдъ*, при котором древнеболгарский язык показывает более детальную семантику пространственных средств, как и при на и *врѣху* (в древнеболгарском) при на + лок. (в древнерусском языке). В отношениях пространственной близости, разницы касаются предлогов *около* (в древнеболгарском языке это только наречие), *возаѣ*, *подаѣ* (только в древнерусском языке), при наречных предлогах-синонимах *окрысть* и *окрыгъ* для выражения значения „вокруг“; в древнеболгарском языке особенно сильно развито употребление предлога при для обозначения непосредственной близости в пространстве. На основе установленных разниц, характерных для систем живого древнерусского и древнеболгарского языков, Р. Павлова отделяет пространственные конструкции, заимствованные в древнерусских памятниках из древнеболгарского языка. Это древнеболгарские наречные предлоги *вънѣ*, *кромѣ*, *въ събѣдъ*, *окрысть*, *окрыгъ*, *банъ*, *срѣдѣ*, *посрѣдѣ*, *врѣху*, *прѣмо*. Сочетания с этими предлогами обогатили древнерусский литературный язык и, как известно, большая часть из них продолжает употребляться и в современном русском литературном языке. Важны также „древнеболгаризмы“ в функциональном плане при одинаковых простых предлогах: употребления предлога *отъ* в значении „направления действия изнутри или с поверхности пространственной единицы“ (*прн-хъднша ѿ рнма* и пр.) и употребление

предлога при для обозначения пространственной близости, заимствованные из древнеболгарского языка и относящиеся к древнерусскому книжному пласту, возникшему под древнеболгарским влиянием. Р. Павлова устанавливает и ряд словосочетаний или сочетаний: глагол-предлог, предлог-имя, которое употребляется в древнерусских памятниках опять-таки под древнеболгарским влиянием (о **деснѣю**, по **моюмь ошественн свѣта сега**, **признъ съ невецѣ**), ряд сочетаний, главным образом, при пространственных глаголах с приставками **от-**, **нз-**, **въз-**, **въ-** / **нзнестн отъ**, **възнтн на** / **въ**, **нзндѣ отъ града**, **отнтн на поуть**, **посредѣ града** и пр. (стр. 218), созданные по моделям древнеболгарского языка. Автор указывает, что древнеболгаризмы в древнерусских памятниках употребляются, в одной части, как единственные формы, а, в другой своей части, имеют и типично русские соответствия (**бынтн нзъ**, **донтн до города**, **понтн на поуть**, **оуходнтн на (въ)**). В этом отношении важно заключение Р. Павло-

вой, что древнеболгаризмы можно найти не только в агиографическом жанре, но и в оригинальных записях летописей и даже в грамотах. Третий вывод касается стилистической функции древнеболгаризмов: „обычно болгаризмы и русизмы употреблялись в древнерусских памятниках без семантической дифференциации, противопоставляясь друг другу как книжные и характерные для живого языка формы и построения“ (стр. 218). Из этого краткого обзора видно, что результаты изучения пространственных конструкций в древнеболгарском и древнерусском языках подтверждают мнение о значительной роли древнеболгарского языка в формировании древнерусского литературного языка. С другой стороны, книга Р. Павловой будет полезной для будущих синтаксических исследований в области истории русского и болгарского языков. Автор сумел показать, что сложные связи древнеболгарского и древнерусского литературных языков могут быть выяснены только после полного и тщательного изучения данных письменных памятников во всех аспектах их языковой структуры.